

Дарью Симонову интересуют люди неудачливые, недалекие, опускающиеся, обычные, всякие. От «маленького человека» русской классики персонажей Симоновой отличает, впрочем, то, что тот был один — а их целая куча. В этом коммунальном хозяйстве ощутимо какое-то платоновское теплое родство.

МК-бульвар

Дарья Симонова

**УЗКИЕ
ВРАТА**

Красная книга

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Дарья СИМОНОВА

Узкие врата

«Центрполиграф»

Симонова Д. В.

Узкие врата / Д. В. Симонова — «Центрполиграф»,

Даже став звездой балета, Инга не забыла, как мать отвозила ее в детский дом. Казалось, девочка была обречена на серую безрадостную жизнь, но смыслом существования стал балет. Талантливый педагог помогла ей, и Инга создала на сцене великолепные образы Жизели, Одетты, Китри. Однако иллюзии театра эфемерны, а боль одиночества, предательство любимых, закулисная зависть вечны... Роман основан на реальных событиях.

© Симонова Д. В.

© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дарья Симонова

Узкие врата

Светлой памяти Людмилы Лысенко

Глава 1

Мать называла это интернатом, не такое уж и прегрешение против истины. «Там такие же детки...» Ее нервные губы не ладили с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Инга удивилась – зачем? Почему вдруг теперь – в интернат...

– Он у самого моря, – лепетала мама. Море там, кстати, мутное, серое, будто северное, у Лабрадора. – На выходные будешь дома. Миленький, не куксись...

Инга подумала: нелепость, завтра пройдет, с какой стати вдруг казенные дома! Это лето явно не задалось, но за дурным сезоном обычно следует счастливый, нужно только чуть подождать. Мама устала ждать? Мама всегда усталая. Но теперь не из-за Инги, Инга ей не мешала, летом две смены в лагере, потом у бабушки. Правда, бабушка сломала руку, что-то будет дальше... Нет, только не теперь! Она должна еще встретиться с Машкой после каникул, у Машки отец вернулся из Алжира, она обещала показать французских кукол-близнецов, переливную открытку про космос, и еще ей дали на два дня кролика.

– Поехали, малыш. – В голосе слышалось нетерпение.

– Что, прямо сейчас?! – опешила Инга. Не верила, улыбалась. У мамы плохо с дядей... кажется, Сашей, это не может быть надолго. Ладно, Инга съездит, если мама так хочет.

Места смурные, но к ним можно привыкнуть. Детдом помпезно венчала стела, под ней герб, под гербом и между окон – барельефы в виде каменных грузных детей-идиотов со счастливыми атрибутами детства – мячами, удочками, глобусами... Вокруг – ботанический сад, переросший благодаря неухоженности в ботанический лес. Внутри коридоры, полосатые от горячего августовского солнца, двери в комнаты распахнуты, журчат умывальники, голоса... Мать беседует с завучем, говорит что-то о «наследственно плохом горле». Инга ждет чуть поодаль, завуч кивает, косясь на нее со сдержанной педагогической участливостью. Инга ее запомнит, завуч Инна Георгиевна сыграет однажды роль... К ней будет приезжать любовник – «генерал» (на самом деле никакой не генерал, просто дети дали ему такое прозвище за форму и чванство). Георгиевна вообще будет отличаться от прочих, строгий старший ангел... Пока, однако, Инга не верит в завтрашние превращения. Сегодня она возвращается домой. Последний закат лег на дорогу, душно, как на пике июля. Потом Инга бесчисленное количество раз вспомнит этот день – и не заплачет. Плакать страшно и поздно, мама уже обо всем договорилась, небеса дали согласие. Завтра она будет глядеть в окно на мать, уходящую навсегда в другую жизнь, в графу всего незаживающего. Конечно, они будут видеться, бабушкину шарлотку мама привыкнет выдавать за свою, а может, Инге так покажется со злости. Поверит в случившееся Инга только через много-много дней, когда они с Оксаной поклянутся друг другу в вечной дружбе.

Оксана старше, ей, кажется, лет десять, она сиплая хохлушка-оптимистка, рыжая толстуха, решительная и порывистая, как Чапаев в немом фильме. Похоже, ей и в голову не приходит сожалеть о своей участи, папка ее бил, дома ей было куда хуже, а здесь она предводительница. «А меня скоро заберут. Через месяц», – до хрипоты объясняет Инга. Оксана только насмешливо смотрит бесцветными смелыми глазами. Волосы у нее белесые, крепкие, одна рукастая нянечка наострилась стричь Оксанку под сэссон. Здесь у всех свои любимчики и

никакого воспитания, главное, чтоб не сбежали и не дрались. А ресницы у Оксаны темные, породистые. Она красавица, малороссийское дитя.

... Не было горько, просто оглушительно, как если бы из игрушечного автомата вдруг вылетела настоящая пуля, тах-тах, ты убит. Мальчики тут странные, сиплые, пятнистые от зеленки. Здесь чуть что – мажут зеленкой. И Ингу, конечно, тоже, ей смутно кажется, что это сродни тайному посвящению в неприкасаемые... А Инге это ни к чему, она тут ненадолго, случайно, по недомыслию, скоро у мамы все наладится и Инга уйдет отсюда навсегда.

Может, у мамы и наладилось, а может, нет, но вскоре Инга и впрямь ушла оттуда навсегда. Правда, хронология сплющивается под гнетом лет, а тогда тянулся беспредельный год. Сначала Ингу забирали на выходные, но свидания оказались выше сил человеческих. Дом твой – уже не твой. А провожая дочь воскресным вечером в гулкие застенки, мать торопит, торопит. Инга роняет слезки. «Детонька, потерпи еще следующую четверть, бабушка поправится, и мы заберем тебя оттуда...» Но и бабушка, глядишь, поправилась, и четверть к концу, а мать все смолит нервные сигаретки на кухне, «да» и «нет» не говорит... Оксана, мудрая задира, объяснила:

– Мамка твоя замуж хочет, а ейному хахалю зачем чужие дети... Тогда и сдают своих на пятидневки или насовсем, чтобы новых заделать, ясно?! Потом тебя, может, заберут обратно, когда разведутся.

Инга научилась пропускать глупости мимо ушей – что взять с неблагополучных?! У Инги-то все иначе, у нее есть мама. И папа... где-то. Достойные люди – дурные обстоятельства. Инга все предвкушала, как она уйдет отсюда и просто не будет вспоминать этот год, хотя и в нем была своя дикая прелесть: «секретки» из фантиков и бутылочного стекла, секретки про взрослых, про Инну Георгиевну, про то, про это, гуляние до синих носов, хохот в подушку, прятки, вид на море, а море серое, как судьба. Еще ворох старых пластинок и повторяющееся слипшееся созвучие «аморемия»... «Морэ»! Все пройдет – эти сладкие итальянские песни, и безногие куклы – вульгарные блондинки, как тетя Галя-посудомойка. И воспитатели, конечно... Юлия Макаровна Ингу почему-то обзывала «принцесской», зато Анзор Шалвович был самым лучшим мужчиной на свете. Что за бури забросили благородного горца в детский дом? Анзор, в свитере грубой вязки, седой, с серьезной улыбкой, скрупулезно проверяющий домашнюю работу – что вовсе не входило в его обязанности, – принуждавший каждую цифру уместать в клеточку... Он водил Ингу смотреть на корабли и читал с глухим грузинским акцентом Андерсена тем, кто не успел разбежаться по закоулкам сада.

С Анзором Инга не рада была выходным, муторным поездкам туда-сюда, истеричным встречам с родней. Так и забросила, в конце концов, метания: ей позволялось звонить в пятницу матушкиным соседям, и те передавали матери, что, мол, не надо завтра ехать за Ингой. Первый раз она плюнула на уик-энд за компанию с Оксаной и сама себя испугалась. Но почему-то знала, что так надо. В ночь на воскресенье сидели без света, Анзор приходил ворчливо, со свечой поправлять на сиротах одеяла. Половина кроватей пустовала, он шаркал близоруко, руки его припахивали черносливовым дымом, он курил трубку...

Спустя лет двадцать они встретились в запутанном аду подземного перехода, Инга еще не успела изумиться, а он уже обволакивал ее смягчившимся, но пока серьезным взглядом. «Привет, балерина!» Все знал откуда-то... Она давай зазывать его то в общагу, то в столовую, переходя от застенчивой радости к ребяческой настойчивости. Анзор был странно непреклонен, купил ей мороженое «Ленинградское», оставил телефон и опять надолго исчез. Потом Инга узнала, что тогда единственный его сын попал в тюрьму, по мелочи, конечно, но тем не менее Анзор Шалвович наложил на себя епитимью. Бросил интернат, ребят, поехал в гнилую столицу пожинать горькие плоды, дескать, какой же я воспитатель, раз собственного сына проглядел...

Эпизод главный: приезд балетной мамзели из далекого училища. Этому предшествовало пророческое настояние Инны Георгиевны записаться в хореографический кружок. Она туда многих завлекала сообразно святому принципу «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не ступило на кривую дорожку». Инга сомнамбулически послушалась – почему бы и нет? Кружок гнезвился в доме культуры соседнего поселка, добираться хоть и близко, но уже приключение. Чаще всего их сопровождала молодая помощница воспитателей Леля. В кружок взяли троих; Леля была слегка не в себе, без конца тараторила, шепелявила, шмыгала носом, рассказывала зачем-то, как от кавалеров отбоя нет и даже пришлось поэтому подстричься коротко. Умора! Инге было по-нежному ее жалко и смешно, Леля сама была как неразумное дитя. Мальчишки исподтишка задирали ей юбку, покушались на застежку лифчика, фундаментально дразнящую выпуклость под блузкой. А Леля даже рассердиться толком не умела, и Инга с Оксанушкой храбро вступали в драку за нее с глумливым пацаньем. Впрочем, каждый по-своему любил Лелю, добрую, глупую, смешную, канувшую в Лету. Она единственная просияла, когда нежданно-негаданно подозвали Ингу. Сонная мамзель помуржила ее немножко, «ножки поставь так, этак... наклонись... хорошо...».

– Ты поедешь учиться на балерину, – восторженно шептала на обратном пути Леля.

Был конец мая, канун каникул, Ингу, наконец, должны были забрать домой, заклятый год прошел. Что дальше?.. В домашний рай уже не верилось, Инге теперь хотелось в гости к Оксане, в деревню, к настоящим козлятам, хотя уж какие там у нее козлята, все придумала поди, болтушка... Инга незаметно привыкла к перемене масти, к зеленке и серовой каше на завтрак, но ехать в чужие края только потому, что так решила сомнительная особа со вспухшими венами на запястьях – это слишком. А тем временем Леля что-то радостно шепелявила Инне Георгиевне. «Родители будут согласны», – отрезала та в ответ, по клавишам судьбы пробежались легкие пальчики.

Нужные слова для матушки у Инны нашлись быстро, дело решил один звонок. Мотивы ее были привычны: самые изнурительные лапы искусства лучше детдомовской участи. Георгиевна привыкла исходить из худшего, она изначально предполагала, что бабушки умирают, матери спиваются или, что реже, выходят замуж по второму кругу. А дети, отрезанные ломтики, остаются здесь, в зеленых стенах; дальше – первая сигарета, рюмка, одновременно аборт. Нет, детдомовские отнюдь не всегда промахиваются, кое-кто становится передовиком, рождает тройню, бьет рекорды. Но Инге не повезет, она не цепкая, она полюбит негодяя и замерзнет в сугробе, как в анзоровых зловредных сказках Андерсена. У нее только один шанс – теперь. Пока она не в самых худших зеленых стенах, здесь маленькие детки – маленькие бедки, бестолковые, но чадолюбивые няньки. А потом лотерея подведет, в подростковых интернатах живут девочки-бабищи, изрежут лицо бритвой, если их мальчик посмел пройтись с тобой, так-то вот.

Для Инги Георгиевна тоже нашла слова – тихие и внятные, но Инга все равно не понимала. Балет? Это то, чем они занимаются в кружке? Ей мягко ответили, что не совсем. «Вербовщица» из хореографического бархатно улыбалась, у нее серебряный перстень с черным камнем, серьги с выкрутасами, помада цвета пива, выходящая за границы губ, линеечки морщин на лбу. Она смотрела на годных к балетной службе с любящей отстраненностью. Не обещающей больше, чем надо, – был ее девиз. Она в посыльных у старухи судьбы, а потому моложе, свежее и фигуристей повелительницы. Это облегчало ее задачу – Инге не было страшно. Домой она уже никогда не вернется, но ей того никто не сказал.

Глава 2

Пожалуй, самым прекрасным были магазины. Город – сплошной сквозняк, обернутый прихотливыми и прекрасными фасадами, – загонял внутрь чего угодно, только бы не стоять на ветру. А магазинов было много, гораздо больше, чем в родной дыре, магазинов и магазинчиков, скрупулезно обозначавших себя как «Сыры», «Семена», «Восточные сладости», «Рыба», «Чай-кофе», подчеркивая значимость каждого отдельного продукта. Это тебе не Ноев ковчег один на всю округу под названием «Гастроном». Инга жадно познавала нугу, халву в шоколаде, сливочное полено, сосиски в упаковках, фруктовый чай. И вкупе с ними глянцево-радостные богатейших «Букинистов», символом которых стали красные мальчишки Матисса, которые кому-то наскучили и он отнес их в приют для книг, чтобы глазела на них любопытная Инга. А за окном начинались свежие сумерки и накрапывал ноябрьский дождь дождей. Инге, в сущности, было без разницы, какая витрина, разве что говядины и свинины не привлекали, да и жиры с маслами, чьи желтые тельца, предварительно выцарапав на них незатейливый орнамент, выставляли сердитые продавщицы. А вот горы конфет и крендельков уже сами по себе были великолепны, особенно в интерьере старорежимной кондитерской с пилястрами и завитушками из резного дерева. Сказочно! Инга воображала себя внутри уютных книжек вроде «Повести о рыжей девочке», которую взяла поневоле, на безрыбье общажной библиотеки, а влюбилась в благочестивую историю без памяти. Дореволюционная барышня, вкрадчивые манеры, аккуратные мысли, завернутые в воцеленные фантики, волнующие грезы, зарождение чувственности под оком мудрой бабушки. Бабушки! Мать купила Ингу с потрохами сладкой ложью о переезде. Она якобы собиралась сброситься с бабулей квартирами и поменять на одну здесь. Глупая девочка мчалась первой ласточкой к будущему гнезду, в котором все старое забудется, как прошлогодняя газета. Но дверца в рай приотворилась и со скрипом захлопнулась за спиной.

В восемь начиналась тягучая пытка у станка, экзерсисы у зеркала, увеличивающего число учениц вдвое – на каждую свой двойник. Ничего-ничего, все скоро закончится. И это пройдет! Инга снова верила в свою избранность, рабство не для нее, надо только дождаться дня икс, когда мать с бабушкой сюда переедут. Тогда Инга бросит этот выхолощенный танец. Два раза в неделю желающих водили в театр. Странное впечатление... Адажио – тема любви? Черта с два, просто худосочная геометрия. А эти принцы в белых трико с подчеркнутой выпуклостью посередине, которая не спасает их от приторного женоподобия. В балете мужчины условны, Инга сразу почуяла это неравновесие инь и ян.

Она ходила на спектакли от беспризорности, куда ей еще было податься? К восьми годам Инга привыкла к двум постоянствам: всегда есть чем заняться и есть по кому скучать. Даже по детдомовским сиплым мальчикам – и то с удивлением тосковала, не говоря уж про Оксанку и Анзора. Тосковала по разношерстности человеческого улья. Здесь-то все были скроены по одному лекалу и, даже взрослея, сохраняли синхронную идентичность. Учительница Нелли когда-то заметит: «Ингунь, грудь у тебя не растет. Это хорошо. И редкость». – «Да где же редкость! – вспылит Инга. – Куда ни плюнь, у всех размер минус первый».

У Инги, однако, он был «минус второй». Ее данные и без того оценили. Маленькая головка, руки длиннющие, выворотность... На нее возлагали надежды, на нее смотрели, украдкой тыча аристократическими пальцами. О первых педагогах доисторического, то есть до-Неллиного, периода и вспомнить нечего. Общеобразовательные уроки давались легко и незаметно. На оплошности смотрели сквозь пальцы, на математике девочки учились друг у друга укладывать волосы в аккуратные крендельки и шишки. У Инги стрижка, она особняком. Надя, высокомерная соседка по парте, без конца демонстрировала батманы и могла на мгновение прижаться щекой к ботинку. Надя начиталась про Анну Павлову и думала, что умная. Инга

чуралась страдальческих сказок о превратностях знаменитых судеб. Расфуфыренные, приземистые крепышки – балерины-легенды на отретушированных фото не тянули на мучениц.

– Милая моя, балет – это монастырь, за всякую радость жизни платишь по двойному тарифу, – поучала Нелли. – Толстухи в перьях, говоришь? Они большей частью плохо кончили...

Странные методы взращивания талантов у Нелли. Но только она говорила правду, не отворачиваясь. Правду о том, что никуда уже не сбежать отсюда. «Тешь тщеславие, больше ничего не остается. Тебя будут бить по обеим щекам и по затылку в придачу, а ты только знай, что лучше всех. Но – будь лучше всех!» С Нелли они познакомились в страшную минуту очередного прозрения. Шло второе полугодие заточения, а за Ингой никто не ехал. В письмах из дома о переезде уже не было ни слова. Ждать? Опять изнурительные приседания у станка, боль, мозоли, а за окном всегда мокрый снег и небо без сахара и сливок – ни солнца, ни облачка. Инга решила. Вечером, роняя слезки, собрала пожитки и отчаянно рванула на вокзал. Пока собиралась, товарки по комнате молча следили за ней, только сплетница Леля авторитетно сочувствовала. «Тебя засекут. А если и нет, то кто ж тебе билет продаст? Лучше пусть мать твоя договорится с директрисой, чтоб тебя отправили с проводницей, а то, может, твоя мать на секретном заводе работает, там режим строгий, отпроситься нельзя, а если прогуляет – ее сразу под суд...»

Какой завод... какой суд?! Инга в лихорадке пихала в портфельчик чучело птички в коробке из-под чая, африканский подарок Машки, неразлучный свой талисман, пару ненадежных носков с гномиками и прочие виноватые мамини дары. На сем запасливость истерики закончилась. Оглядев одинаковые панцири кроватей, одинаковые снежинки в конусе фонарного отсвета, одинаковых девочек, львиная доля которых скоротает век щепками для растопки зрелищ, Инга ринулась по коридору бегом от своей участи. Не то чтоб все уже спали, но дело близилось к ночи, общажную пустынь лестниц наполнил злой бег. Не сказать, чтобы наступившая темнота благосклонно открывала объятия беглянке, скорее она была столь же менторски равнодушна, как и вахтерша, колупающая крючком в серой шерсти. «Девочка, куда ты?» – машинально и гулко спросила она. Риторическая безнадежность вопроса ударила в спину.

Сбежать из темницы оказалось подозрительно легко. Навстречу Инге сквозь вездесущий ветер цокала на каблуках Нелли. Она шла просто потому, что решила в кои-то веки пройти мимо вскормивших ее пустынькой манкой стен, она тоже прошла училище и прочие круги ада, и в результате запоздалый дар божий проявился: Нелли – гениальный преподаватель. Роды вопреки призванию ей только помогли, после них она поняла, что сцена ее уже не полюбит; разве что пара-тройка характерных ролей осталась на память.

Нелли, привыкшая знать, где что лежит и куда кто движется, конечно, углядела хилую фигурку, «выстрелившую» в глухой переулок в неурочный час. Слезки на колесках, глаза серые, серебряные, потерянные, и путь неверный держит дитя к вокзалу, к пирожкам из собачьей плоти и кофейным помоям цвета прибалтийских унитазов, как раз вошедших в моду. Хочет дитя сбежать со своей каторги. Как это все было знакомо старушке Нелли! Она взяла Ингу за руку, не спрашивая. По теплу этой руки уже узнала все, кроме разве что нескольких анкетных строчек. Потому Нелли не спрашивала, а утверждала, и так Инга впервые повстречалась с логикой.

– Если мама приедет сама, то незачем ехать к ней.

– А если не приедет... – выдавила запретное паническое подозрение Инга.

– А если не приедет – тем более, – с жесткой веселостью ответила Нелли. – Тебя же просто отправят обратно! Сделай так, чтоб маме очень-очень захотелось быть с тобой, будь такой умницей, такой старательной, чтоб она спохватилась: боже мой, у меня такая девочка замечательная, а я все не еду к ней и не еду! И тогда все само случится...

Нелли старалась не осуждать. Сколько раз отчаяние Инги упиралось в ее рассудительную толерантность. «Мы не знаем ее обстоятельств...» Она считала, что есть вещи, о которых не нужно думать. В конце концов Инга с этим согласилась. В конце концов все с этим соглашались, иначе мир разорвало бы от боли. Нелли тихонько шептала иногда: «Приходи сегодня ко мне, будем лопать торт. Ты никогда не потолстеешь. Ты не умеешь...» Это означало: сегодня я побуду твоей мамой, Инга, прости, что я не могу быть ею всегда, я – учительница, я каждый день должна бросать тебя за борт, иначе у нас ничего не выйдет. У Инги сразу едкие слезы скапливались в носу – то ли от благодарности, то ли от жалости к себе. Загадка мира оставалась непостижимой: почему другие не платят за то, чтобы родители остались с ними навсегда, и почему Инга платит, платит, платит – все умница и умница, – а маме все мало...

Потом Нелли, чуравшаяся сантиментов, скажет, что просто разглядела в малокровной девочке национальную идею, а вовсе не материнский инстинкт разыграл! В Китае туристам подавай пагоды, в Париже – Нотр-Дам, в Венеции – гондолы, а у нас – филигранно оформленные страдания, душу раненую и чистую. Разве есть великие балеты со счастливым концом?! Даже «Лебединое озеро» с его торжественной развязкой – разве оставляет оно вздох облегчения? Нет, только привкус печали, несмотря на спасенную лебединую принцессу, к тому же черная злодейка Одиллия так часто затмевает лебединые красоты непорочности.

Нелли виднее, она мастер. Собранная, стремительная дамочка в джинсах. Единственная из преподавательской касты. Джинсы, туфли на коренастом каблучке, черная облегающая водолазка на маленьком вертлявом торсе. Морщинки ехидства у рта, являющие вечную готовность урезонить. Инге с ней было легко и, как следствие закона равновесия, иногда невыносимо.

Ингу Нелли пригрела и пестовала с той самой их промозглой встречи. С тех пор два раза в неделю Нелли брала «ребенка» в свою группу. Не столько повторять за старшими, сколько смотреть, пропитываться, мечтать... Нелли поймала верный возраст – любое чадо завораживает ритм действия, не важно – репетиции ли, парадного выхода, пересудов, сплетен, украдкой пойманной брани, болтовни курящих на лестнице. Вопреки всей педагогике Нелли умеренно развращала учениц.

– Знай, многое позволено, если ты ас... только не подлость...

Трогательно: Нелли непоколебимо считала, что с гением несовместимо злодейство, ибо оно – суета, а большие корабли не суеются. Злодейство – нет, но мелким порокам можно и должно попустительствовать.

Насчет совместимости гения и страданий – то и вовсе была Неллина любимая философия. Нет постулата, что муки возвращают дарование, но покажите мне дарование без мук. Кто может станцевать смерть? Тот, кто умирал. Кто станцует потерю? Тот, кто терял. И далее по длинному перечню превратностей и метаморфоз...

– А «Дон Кихот», ты спросишь? Только тот, кто падал глубоко и страшно, может оценить каждую пушиночку радости и раскрыть эту пушинку на три акта... «Дон Кихот» – просто квинтэссенция радости жизни, а кто, как не намаившийся, воплощает ее и лелеет. Воистину говорю тебе: не выпьешь свою чашу печали, пронесут ее мимо – не поднимешься на вершину. – Так Нелли проповедовала и, вместо аминь, добавляла тихо: – Тебе повезло, дурочка моя. Дитя без матери – оно уже все в жизни попробовало. В сущности, ничего острее уже быть не может.

Она рассказывала Инге, что училища всегда охотнее брали детдомовских. Деньгами пахли сиротки. Вот она, буржуазия в манто, выпрыгивает на снежок в лодочках и быстрее в театр. Что им здесь надо? Очиститься, слезу умиления пустить или раскаяния, они же на балет, как в церковь. Это у нас «Лебединое озеро» для траура на телевидении, а фирмачи понимают, что к чему. Только им нужен натуральный продукт. Как Достоевский. Никаких рафинированных примадонн, таких и у них полно. Но ведь Жизель – деревенская девушка, обманутая прин-

цем! Вот они и жаждут взаврадашних деревенских девочек, обманутых, босых... Таких куда меньше, чем кажется...

Намекала, что Инга – одна из немногих. Ингу мутило от этих выкладок. Она знать ничего не хотела про буржуазию! Она хотела обратно в помойную яму, в детдом – там родные рожи в зеленке уж точно не ждут от Инги никаких достижений. Матери – той, как подозревала умневшая Инга, тоже ничего от дочери не нужно, но жизнь теперь так устроилась, что усомниться в Неллиных словах было невозможно. Иначе – катастрофа! Пуанты, пачки, плие, батманы, прокрустовы позиции, танцевальная азбука ненавистна, а тут еще нет-нет да и подкосят пропедетикой вроде того, что ах, знали бы вы, касатики, как все эти экзерсисы далеки от истинного танца! Танец к ним не имеет никакого отношения...

Бог ты мой, тогда на кой вся эта вымученная красота, в которую Инга медленно вписывалась? Она видела утром перед умывальником в куске мутной амальгамы лицо классической ученицы-балеринки. Хищная атмосфера театра, обволакивая ее со всех сторон, смывала индивидуальность, дабы сварганить себе удобную заготовку для перевоплощений. Инга сопротивлялась обращению, как могла, твердила свою привычную мантру: скоро, скоро меня здесь не будет, вот, я же стараюсь до слез, лишь бы оказаться умницей, и, значит, в конце концов, окажусь... и мама приедет.

Нелли никогда не врала – и мама приехала. Навестить... Еще тогда, после самого тяжелого полугодия, когда казалось, что город этот – сплошной перешеек между осенью и зимой. Приехала мама – и Инге пришлось повзрослеть очередным рывком. Те же обещания: «Потерпи... через полгодика... детонька, киска...» Но даже шок, уходящий как ток сквозь коленки и пятки в землю, не спасает от здравого смысла, от того, что полгодика или год – это уже навсегда.

– У тебя завелась новая семья? – решила идти Инга напролом.

Мать заикнулась от возмущения.

По правде сказать, нашарила Инга тогда у матушки в сумке письмо. Вместо обратного адреса – угловатая аристократическая загогулина росписи. Даже настроенная всецело на поиск тайной жизни и опасных связей, Инга не сумела признаться себе, что это письмо от мужчины, на которого не стоило полагаться. Зачем тогда прикатила? Инга сама перед собой сделала вид, что не поняла. Не смогла капитулировать перед житейской мудростью интернатских, согласиться с тем, что... ищите мужчину! Инга размазала догадку на годы. Потом даже сочла ее смягчающей вину деталью: мать все-таки надеялась – ПО ПРАВДЕ! – переехать сюда. А когда не вышло – оставила Ингу здесь, словно последний крючок в мякоти сомнительной удачи.

И играют нами, как глиняными фигурками, даже не боги, а чья-то сварливая рука рангом пониже.

Ходили с мамой на «Баядерку», хотя Ингу уже воротило от балета. Но мамочка принимала вид любительницы-ценительницы.

– Дай бог, скоро тебя приедем смотреть, – неловко вворачивала она виноватую гордость. Сама пялилась мимо сцены, куда-то к люстре, мусолила несбывшееся.

В буфете набилась толчея, как в тех самых гастрономах родного городишки; иные, казалось, занимают очередь с прошлого антракта, набирают пирожных, главы семейств заливную рыбу уплетают.

У мамы «денежек немного» – у Инги на тарелке одна полоска с неприятной розовой глазурью и тонкий стакан газировки. Инга размышляла о несправедливостях либретто. Ну почему бы упрямой Никии не принять противоядия Великого Брамина, даже если придется обмануть его после, нарушив ультиматум? Даже если она сочла, что змею в букет подложил любимый Солор... Ее предали – теперь можно предать в отместку, не до жиру, жизнь важнее любви!

Мама вразумляла: все легенды – про любовь безрассудную, в том числе и индийские. Вырастешь – про это поймешь. Инга на всякий случай не хотела вырастать, она и так про многое поняла.

Проводы случились в снегопад. Значит, по примете мать должна была вернуться. На улице – уютно, но где-то близко – черная дыра ужаса. Напоследок матушке наговорили приятностей про дочь, она смущенно сияла. Инга смотрела на нее в окно, есть ли худшее испытание... Слишком много отсыпала судьба для восьмилетнего возраста, и от того пресыщения Инга, обманув себя на секунду трепетной грезой о возвращении, сделала ручкой плачущей маме и легла читать книгу «Мы все из Бюллербю». Шведская домашняя сказка, сумерки, тусклый прыщик света промеж желтых лепных вензелей, соседки разъехались по домам. Слезы остались в детстве имени Ганса Христиана Андерсена, жребий был брошен, наступила эпоха других сказок, сбрасывать старую кожу, пусть и отдирая с мясом, – счастливый экстремум, что ни говори. Она вдруг как дома...

А следующая книга называлась «Голуби в траве». Антифашистская. За нежное название Инга все прощала.

Глава 3

Все училище так и тянулось, проходило в сумерках и в снегу, исчезающем в глянце асфальта. Фавориток было две – Марина и Олеся. О первой разговор особый и напряженный, а с Олесей завязалась шаткая, как весы в провизорской, дружба. Долговязая и круглолицая Олеся могла быть объектом насмешек, но не тут-то было – и это обнадеживало стеснительную Ингу. К тому же Олеся жила вдали от семьи и делилась гостинцами. Хоть Инга была и не в ее стане, Олеся и ей сунула однажды орешек с вареной сгущенкой внутри. Ингу потрясло лакомство, доселе невиданное, она перевела взгляд на Олесю – той уже и след простыл.

Кажется, следующим впечатлением явилась бездомная беременная кошка, которую неугомонная однокашница притащила невесть откуда, и Инга ей в этом стала сообщницей. Они вместе обаяли вахтершу бабу Симу с трясущейся головой; та приютила котейку, так вот и завязалось... Росли под девизом «хочешь, дам поносить?». Только однажды они не поняли друг друга без слов: Олесе купили джинсы на шестнадцатилетие. Катарсис! Но у бедняги на пуговичное железо высыпала аллергия, маленькие красные точки.

Сия ничтожная мелочь породила сонм ингиных фантазий: вот Олеся дарит ей эту восхитительную голубую кожу для ног с лейблом на закорках, и Инга идет в них... и ей встречается... ну и дальше... одним словом, джинсы – это американская скатерть-самобранка, если они есть у тебя, то есть все. Но Олеся, увы, даже померить не дала, и Инге снились красные точки. Зато Олеся проколола Инге горячей иглой уши, объяснила, с помощью каких упражнений можно избежать беременности, и ушла в мюзик-холл. Уверенная, внезапная, вздорная Олеся в оранжевой куртке делилась последним. Ее рано увлекла мирская жизнь, она пихала Ингу под бок и картаво шептала: «Вот ЭТОТ мне нравится, даже очень, но я его уступлю тебе, только не дрейфь, Ингушетия!» Инга растерянно тарасилась на подружку. В пятнадцать лет она совсем не представляла, что будет с «этим» делать. Благодаря Олесе Инга впервые замахнулась на святое в споре с Нелли и выпалила оле-сину сентенцию:

– Балет – мертвое искусство.

Нелли равнодушно зыркнула над очками:

– Ты рассуждаешь, как клюшка из института культуры...

Институт культуры Нелли презирала, не отступая от старой театральной традиции. «Клюшка» – ее единственное ругательство в адрес женщины – имело густое многообразие значений. Что касается смелых воззрений, то ведь Ингу с Олесей разделила одна из судьбоносных волн, на которые столь богата юность. Они не расходились как в море корабли, – их разбросало, как утлые шлюпки, посему Нелли осталась безраздельной распорядительницей дум. Сложись иначе – кто знает... Хотя поворот на мюзик-холл Ингу изрядно обескуражил, она было решила, что Олесья сбилась со своего стремительного, спонтанного, но все же очень меткого, интуитивного пути, вознаграждавшего праздниками и победками, но бывшего наотмашь карающей десницей. Однако Олесья ниоткуда не сбивалась, и в кабаре хватает... уж там всего хватает, никуда не убежишь от ноши своей, она же крест, она же искушение.

То, что будет потом, все уже есть сейчас. Вот они с Олесей допущены в детский кордебалет в «Щелкунчике». Олеся так волнуется, что не может говорить, ей пока что важно быть лучшей. Инга глазееет вокруг, это ее совершенно поглотило, жаль, что им сейчас не похихикать вместе над потным напомаженным принцем, у которого случилась затяжка на ягодице и теперь костюмерная свита торопливо латает на нем трико...

Ингу хлебом не корми, дай подглядеть. Вбегают со сцены, выбегают на сцену и целое мгновение кажутся испуганными тем, что сейчас опять придется менять роль на роль, расслабляться, поправлять бутафорию, а после опять закусить удила. Из холода в жар, из жара в лед,

чревато коррозией нервной системы. Но многие давно закалились, метаморфозы только щеко-чут им нервы, повышают тонус, как пара кружек кофе.

Инга мнит себя заносчивым наблюдателем. Театр не жизнь, а отсрочка. Она снова задумала побег, теперь уже не к матери, а к циркачам. Как жгуче жаль, что прошли времена шапито, бродячих гимнастов с жонглерами, путешествующих в расхлябанных фургонах, колесящих по городам и весям... Но пока остались лилипуты, Инге будет где спрятаться! План был изложен в письме далекой ныне Оксанке, которая, однако, успела набраться прозорливости. Ее мало тронула романтика гонимых ветром маленьких комедиантов, она задала простой вопрос:

– А куда ты денешься, когда вырастешь? Ты ведь станешь им не нужна...

Помилуй, душенька! Инге ли думать на два шага вперед; когда вырастем, Земля завертится быстрее, японцы изобретут карманных родителей, и они никуда не исчезнут. Обычно Инга выбирала щадящую логику. Должно же что-то произойти через энное время, потому как за энное время не может не произойти ничего. Катастрофы и войны из аксиомы исключались, речь шла о счастливом повороте.

Глава 4

Странно, что встретились только теперь; обычно, когда появлялась Инга, он отсутствовал. Случайность или умысел? Инге – восемнадцать, Игорю – двадцать два, вполне достаточная заправка для фабулы. Нелли говорила о сыне специфически, как о многотрудном своем достижении, любила завести пластинку о тяготах материнства, о том, как муж заставил ее родить, якобы перечеркнув карьеру. А чего ей не чесать языком теперь, когда все позади и исход более чем сносен! Позади муки выбора, бессонные ночи, первые неподатливые ученицы, моластые волчата из застывшего пластилина, который предстояло разогреть, смягчить и вывести в чудные линии.

Одна из них, одиозная Ася, сбежала, блистает у буржуев. Нелли тиха и горда, когда от Аськи редкая весточка через третьи руки приходит... Но не об этом речь. Инга ждала, что у Нелли обязательно прорвется материнское присюсюкивание про сыночка, которое призвано исключить влечение. Объект притязания меркнет от родительских рекомендаций, и никуда от того не денешься. Нелли, однако, всего лишь изредка ударялась в идиллические подробности про прищепки, которые он перетаскал у нее, изготовляя из оных человечков-цуциков. Или задавался антропологически неожиданным вопросом про негритянское молоко: неужто оно такое же белое, как у белой расы? Пытливым пареньком рос этот Игорек... когда Инге светил детдом. Но в синхронность вдаваться – только душу травить. Через неделю после их первого случайного знакомства на кухне – он просто открыл холодильник, откромсал толстый кусок краковской колбасы и мрачно перемолол жерновами скул, – Нелли вынесла приговор:

– Ты ему нравишься! А ведь он всегда презирал моих балетных, обзывал их «венскими стульями». Ужас, правда?!

Мучительно было отнестись к известию с равнодушной иронией, но ведь именно так полагается девушке, не так ли? Сама Нелли походя приучала к снисходительности касаясь вопросов пола. Любовь, романы, брак – все это необходимые, но недостаточные для полноты жизни ритуалы, и вообще дело десятое... Нелли переусердствовала в воспитании – Инга и так слыла недотрогой и чистоплюйкой. Жестокие подростки путают высокомерие и нелюдимость, проткнуть хрупкий защитный панцирь им ничего не стоило. От матушки Инге достался чертов надменный поворот головы, но, видит бог, никакой надменности, одно лишь тщательно скрываемое, оголтелое, всеядное желание понравиться первым встречным-поперечным, и улыбка от этого напряжения – как судорога, как гримаса трусливой собаки. Она себе, конечно, не нравилась в восемнадцать лет, она не в дамки метила, – в пешки...

Спустя годы Нелли признавалась, что вынужденно обошла ту любовь деликатным молчанием. «Молчанием со значением», – горестно продолжала про себя Инга. Она знала, что Нелли, родная строгая Нелли, все-таки желала сыну лучшей партии, хотя потом будет прикрываться эвфемистической сентенцией о том, что не желала превращать дочь в сноху, ведь Инга ей как дочь...

Нет, милая, ты уберегала сына от балерины, а балерину – от прерванной трагической фабулы, ты играла в подмастерье судьбы, ведь что с того, если бы сыграли банальную свадьбу и Инга впервые в жизни прыгнула бы за пазуху Христу, бездомный котенок обрел бы место на коврике у горячего камина! На той бидермейеровской ноте сказки обычно и кончаются, но в них ни слова о славе, а слава хиреет в мещанском покое, она пока что едва раскочегарилась, надо было ловить волну и делать имя – русскими, английскими и какими угодно буквами. Инга помнила, как жадно налились зрочки дорогой учительницы на выпускном спектакле. Инга танцевала в «Лебедином», триумф! Черный грим стекал в глаз, не больно, потому что Нелли шептала:

– Мы с тобой сделаем весь мир!

Но смущенное ликование происходило не от готового к завоеванию мира, а потому, что после спектакля Инга ехала не к общажной койке, а туда, где Игорь отмывает чумазные руки. Тоже своеобразный грим: Игорь – автомеханик. Это в пику Нелли, которая неумело скрывала, что неплохо бы овладеть приличной профессией переводчика и жениться на англичанке.

Игоря раздражал успех, он чурался Инги в тот вечер, не ловил ее запястья, чтобы сжать до синяка. Успех разъединяет. Теперь Игорь решил на километр не подходить к Инге со своими шоферскими шутками и глумлением над классикой. «Ротбарт – сутенер Одиллии», «синяя птица – на самом-то деле голубая, мужик в перьях – сущее безобразие»... Инга, однако, прежняя, поняла: это Игорь испугался. Все коварство и торжество изнурительного сегодняшнего действия – насмарку, если не считать укромного застолья. Она празднует дома! Не важно, что празднует и чей дом, хотя в последнем она чувствовала доброе знамение – похоже, ей негласно было разрешено пошуршаться в любовь. Это ведь свадьбы не должно быть в трагическом сюжете, а любовь обязательно, и кому, как не Нелли, ослабить соглядатайскую ниточку.

Муж ее, как всегда, отчужденно вперился в газету, в знаменитый американский скандал, до Инги ему не было никакого дела. Тяжелая лысая птица высокого полета! Инга взлетит куда как выше, но перед «папочкой» всегда будет тушеваться или жалеть, ведь там, где тепло тщеславию, сердчишко мерзнет. Кем был Игорев отец? Какое-то востоковедение, черт его знает... Балеринам, по его мнению, катастрофически не хватало образования и ума.

Все притихли, одна Нелли возбужденно металась у стола, где, кроме шампанского и картошки с мясом на скорую руку, ничего не было. Хозяюшкой Нелли не была... Еще – цветы, везде цветы, букеты, своей дышащей гармонией смягчающие нестыковки быта – в неловкую паузу хорошо подойти к ним и внюхаться до головокружения, попросить у них прощения за то, что все они теперь в одних недостойных руках. Скрытно-нервозную ситуацию спасла соседка Наташа.

Господи, что было бы без нее?! Какое счастье, что колючая Нелли прикипела к этой крепкой тетке с фарфорового завода. Наташа смекнула, что девочке нужен домашний праздник, а не нагнетание большого будущего за хилой закуской. Наташа ворвалась умопомрачительным гастрономическим ураганом, а еще у нее был коньяк. Она любила Ингу, она всех любила, кто попадал ей под руку, если только не ходил в ботинках по ковру. Балет Наташа считала искусством богоугодным и всегда заверяла, что если бы у нее родилась дочь, а не эти два «оглоеда», то уж она бы костями легла, но девочку выучила бы «вашим фуэте»...

Как только Наташа все успела! Инга утонула в оливье, в селедках под шубами, в незнакомом угаре под названием «Арарат». Даже Неллин супруг развеселился и давай включать Клавдию Шульженко, а Нелли его с еле удерживающей улыбкой сварливостью пилила:

– Вова! Ты уже буянишь!

Игорь был ни бэ ни мэ. Инга вдруг ужасно потерялась в Неллином доме. Пьяная, с воспаленными щеками, измотанная донельзя после выпускного, он же Страшный суд, вокруг сардонический хохот энергичного старшего поколения, травят анекдоты про армянское радио, Инге было мутно, как перевозбужденному ребенку, которому не уснуть. Вроде вечер в ее честь, только она в роли собственного портрета, от нее ничего не требуется. Игорь, гад, забился в свою комнату и слушал великий «Пинк Флойд» всех времен и народов, заграничный чей-то подарок и предмет тщеславной гордости. Почему Игорь не берет Ингу, как водится, за запястье и не уводит в даль светлую? Вопрос для тех, кто старше и милосерднее, а жить надо сейчас...

Инга обожала Игоря сдержанно и молчаливо, – если это вообще возможно, – наружу просачивалась лишь «прореженная» симпатия. Тот вечер не был прорывом чувств, она так и простеснялась всю ночь, так окончательно и не окунувшую себя в темноту, на раннем мучнистом рассвете открылось никчемное второе дыхание. Нелли на всякий случай заботливо предложила изрыгнуть съеденное и выпитое, дабы не травить девичий организм. Инга сочла пред-

ложение диким, ее совсем не тошнило, только дым табачный пропитал волосы и одежду, а это несправедливо, ведь сама Инга тогда не курила.

Она осторожно вышла на свет божий, на первом уже этаже услышала Неллины запоздалые вопли, но погоню, к счастью, не снарядили. Не слишком-то ее хотели удержать; можно представить, как толстый Вова вразумлял взбалмошную жену оставить все как есть. Мол, девочка уже большая, метро уже работает. И Инга ушла в уравновешенном отчаянии. С тех пор успех превратился в сомнительную привилегию.

Назавтра ее запоздало наградила судьба. В общежитие приплелся Игорь. С оправданиями. Не за вчерашнее поведение, а за сегодняшнее вторжение. Дескать, вообще-то я по матушкиному поручению. Инга зыркнула обиженно...

– И сам, конечно... – тут же поправился Игорь.

Гнев иногда – лучшая прелюдия к застенчивой любви, иначе ей и не выбраться из скорлупки.

То, что он говорил в тот день первый... то же говорил и в последующие, и в последний. Он ее боится! Ее ведь так просто не закадришь, надо четко уяснить, когда можно, когда тебя примут благосклонно, когда войдешь в нужное течение... Инга бралась за голову: боже, какой лживый перевертыш впечатления, на самом деле она-то всегда готова. «Это тебе только кажется», – зловредно не соглашался Игорь и скорее стремился уйти в издевку, но Инга продолжала терзать его допросами, надо же было понять, всерьез он или не всерьез.

– Ты мне сразу понравился. – Стоила больших усилий эта правда. – А я тебе?

– Ты мне – не сразу. Думаю, фу, какая краля. Мне-то нравятся попроще, попопастей!

Игорь улыбался дивно. Есть тип мужской улыбки, от которой мурашки доверия по коже. Улыбка уголками вниз, упругая... или не вниз, не описать словами: машинерия лицевых мышц куда сложнее грамматики.

Игорь предпочитал игру «барышня и хулиган». Он решил, что ничего не остается ему, как воплощать собой грубую неотесанную материю. Но сквозь шоферскую маску сочился интеллигентский сарказм. Механик механиком, однако со знанием английского и законов жанра. Учился, конечно, заочно, спустя рукава, но Инге все равно было за ним не угнаться с ее хореографическим хватанием по верхам. Инга всего лишь балерина, в прочей жизни – сосенка неотесанная, нолик без палочки и точки; возвращенная Нелли уверенность, что достаточно мастерски делать одно-единственное дело, и мир вокруг выстроится правильной мозаикой, давала и ядовитые плоды.

Инга толком косичку заплести не умела, в Игоре жил гений-самоделкин, он чинил все, подбирал на асфальте гайки-винтики-шурупчики, карманы его вечно были полны обрывками-листочками с телефонами, цифрами, именами, давно переписанными в записную книжку, но истертое на сгибах барахло на всякий случай все равно хранилось: а вдруг!.. Сноровка и запасливость. У Инги же натура словно никчемная сетчатая перчатка, ничто не задерживающая, скользкая, маркая, сплошная красивость в ущерб функциональности. А ведь должно – и если бы! – все быть наоборот: детдомовская девочка – справная хозяйюшка, а балованный мальчик – неумейка, белоручка... Тогда бы замужество в кармане. Но откуда же Инге было знать, если бы знала – хотя бы прикинулась.

Про мужчин ей ничего не было известно, про это не учили, а первое естественное пособие, отец – эфемерное воспоминание, словно кинопроба многолетней давности. Бакенбарды, вечно расстегнутая замшевая куртка, толстые губы, похож, одним словом, на Джо Дассена, добродушный пижон. Достает из-за пазухи фигуристую тяжелую бутылку шампанского, протягивает Инге. «Неси на кухню, чудо-юдо...» Инге – лет пять, нести бутылку – уже миссия, она гордится собой. Сосуд, наполненный веселящим газом. А когда пустой, он пахнет сладковатой гнильцой. Шампанское – это неспроста, это Новый год значит или кой-чего покруче. Отец... картинка затуманивается горечью: тогда я была еще дома, на этом, собственно, и все. Еще пах-

нет мандаринами, матушка восклицает: «Последние колготки!», у нее барельефы варикозных вен на голени, вокруг гости. Инга размышляет: расселись тесно, стол еле умещается в комнату, мама могла бы и не надевать новые колготки, все равно их никто не видит.

Праздник, который никогда с тобой! А посему Инге жадно хочется подсматривать за чужим семейным кругом. Они встают и... что? Завтракают вместе, или начинают ругаться, или каждый на своей диете, или кто-то поет в ванной или бреется безопасной бритвой... Что бы стала делать Инга? Сознание плотной глухой периной укрыло думки о матери, мать, как и незнакомый, по сути, папа, тоже утонула в слепых кинопробах, Инга примеряла к себе гнездышко потеплее. Мечтать можно бесплатно.

Инга хотела замуж за Игоря, так все просто. А Нелли впервые опростоволосилась, как Инга потом разнюхала. При всей своей прозорливости учительница полагала, что любимица ее ставит галочку в графе «романтический опыт». Причем опыт заранее обреченный, но для остроты артистического восприятия он-то, разумеется, и нужен! Шла бы она к черту со своими умозрительными щипчиками, которыми накладывала осколки смысла в чашу весов, ее «про-визорская» ошиблась, Нелли так никогда и не поняла, что Инга побеждает из трусости, а лунку для брачной добычи копает поблизости от себя, ибо куда ей соваться в дремучий мир. К тому же в молодости романтический опыт и «в печали и радости до самой смерти» неразделимы.

Опять же куда ей, Инге, далеко ходить, если этикетом кокетства она не владеет, а комендантша Анастасия Григорьевна шепчет ей: «Ирочка! – Она вечно путала ее имя. – Юбочку эту носят «молнией» сзади, а не на боку...»

Ей ребеночка захотелось. Тут уж впору навеки спрятать голову в песок! Много хочешь, Инга Сергеевна. Страшно и представить, как разразилась бы Нелли на сей счет. Хотя и представлять нечего, Нелли не раз подводила к мысли, что на детишек лучше не смотреть... а дальше как Бог даст. С недавнего времени она и про Игоря забыла. Ведь Ингу заметили. Заметили с большой буквы:

– Помнишь, букет из кремовых роз с подпалинами? Шикарный! Это тебе Матвеев преподнес. Он заметил, а это что-то... это очень много.

... Только не надо про покорение мира! Хотя Матвеев, безусловно, из тех, чье слово оставляет миллион эхо, писака-балетоман. Он заметил – значит, придется заметить прочим. Но прочие вроде и так заметили, а Нелли не успокаивается. Все не о том! Букеты, надвигающаяся как кара господня слава, покровительственно принявший в свое колючее лоно театр – все не о том! Ей хочется цвести в чьем-то саду, самой быть кремовой розой, только не срезанной, а впитывающей вечные земные соки любви. Почему так беспощаден дар?

Роман длился, дай бог памяти, лет пять. Было все дискретно, условными галочками напротив чисел. Раза два в месяц они садились друг против друга в кафе. Игорь пил коньяк, Инга сначала не умела, потом приспособилась. Он ей подарил «гомеопатическую» рюмку, туда граммов тридцать входило. После возлияний шли куда-нибудь в гости. Однажды одни милые люди им предоставили целые антресоли; Инга чувствовала себя старым чемоданом, Игорь радовался своеобразием и умудрялся душить атмосферку ужасающей «Шипкой». Никакого такого блаженства не было, это не озадачивало, Инга привыкла, нажимая на кнопку «удовольствие», получать что-то другое. Но другое не всегда так уж дурно, в конце концов именно оно и стало называться удовольствием. Типа цикория вместо кофе... но кому-то нравится и цикорий, нравятся бифштексы в столовой и передача «В рабочий полдень», кто-то воспитан есть что дадут и ничего не менять. А Инга вообще не воспитана.

Расставание растянулось. Вначале показались смешными его обиды. Как можно дуться на то, что ее мучает новая роль! Она занята в па-де-катр, но у Игоря парадоксальная логика: раз она – одна из четырех, то можно и смухлевать, смыться с репетиции, если у него есть хата, свободная днем. Аргумент незыблемый для профана: одно дело – главная партия, премьера,

все такое, но тут-то рядовая показуха, концерт закрытия сезона. Инга пыталась объяснять, но разве втолкуешь очевидное; сипела, плакала на ветру, – Игорь был непроницаем. «Ты же сама признавалась, что балет для тебя – случайность. Вот и уйди из театра, тогда и поговорим... и откуда у тебя эта куртка?»

Куртку отдала Олеська. Она стала «богатенькой буратинкой», кутила и радовала глаз оптимизмом ядовито-голубого макияжа. Подарила куртку, не такую, как обычно отдают из жалости, не пришей кобыле хвост, а модную, из желто-кремовой кожи. И еще отдала кое-что, даже трусами поделилась с кружевами цвета, как помпезно называла его, терракотового. Инга от радости и не знала, куда захватить вновь обретенное хозяйство, никто ей такого в жизни не дарил.

И вот Игорек теперь ропщет. Из театра, видите ли, уйти! Куда? На улицу, подъезды мыть? Или, может быть, Нелли ожидает ее с хлебом-солью и пирожками с капустой?! Тогда к тому же были не самые плохие времена, если не лучшие. Общежитие при театре – развалюха, конечно, но это тебе не монастырь училища с девочками – змеиными головками, здесь народ потеплее, да и Инга уже болела болтливостью в необходимой для кочевой жизни форме. Здесь много славных физиономий, чужие сорванцы обнимают ее за ногу вместо приветствия, а она дарит им елочные игрушки из пенопласта и блестящие шарики из фольги на резинке. Такая мода.

Ингу всей душой приняли в крикливую общину, ни с того ни с сего, как тепло быть своей, однако... Здесь она уже не понимала, за что ненавидела училище и с чего все взгляды ей казались косыми, она стала забывать свое сиротство. Однокашницы почти все разлетелись по городам и весям, остались только Олеська – до поры до времени, – Марина и две соседки нынешних. Одна из них – гулена, в общагу и не забредала, застряла в стадии помолвки и, пребывая в этом качестве, сменила штук пять женихов, она не жила, только числилась. Другая – Феля, маленькая, тихая татарочка. Их с Ингой поселили вместе за год до выпуска, в комнате царил хрупкий, тихий уют. Любое действие Фели сопровождалось удивительными необъяснимыми волнами покоя. Инга не могла объяснить этот своеобразный гипноз, наверное, просто есть люди, излучающие седативное поле.

– Тебе бы подошло быть женой шейха и задумчиво перебирать его алмазы, – иронизировала Инга.

– А я и так... – серьезно отзывалась Феля. – Бабушка мне нагадала мужа – большого человека. Так и будет.

Ни облачка сомнения, глаза, разумеется, миндалевидные, в них бесшумно крутится медленная сансара с медовым призвуком колокольчиков. *Let it be*. Пока что, правда, Феля совершает удивительные ходы: она доучивается после хореографического в педагогическом и нанимается преподавать ритмику. На сем девочки расстанутся, но встречаются временами. Феля теперь хохотушка, радуется школьной халяве, которая не в пример «ихней каторге». Она долго еще будет ликовать просто оттого, что училище закончилось, и Инга будет растроганно благодарна ей за единомыслие. Ее тоже порой душат призраки холодных безутешных лет училища: подъем по команде, изуверский холодный душ, недосыпание на грани суицидальных грез, гусиная кожа, станок длиной в бесконечность, первая, третья, пятая позиции – камасутра муки, книги про войну тревожат до бессонниц, потому что Инга знает, что такое концлагерь.

Окно в коридоре – в нем мелькают торопливые дневные люди, как хочется к ним, к чужим, равнодушно разрешающим все – лопать эклеры, отираться на вокзалах, ненавидеть репетиторш... Быстрая зависть ненадолго обволакивала Ингу – Олеську и Фелю выпустили тесные жернова балета, дали им вольную, а Инге теперь не сбежишь, некуда.

Таким образом, любимые товарки, одни из немногих оставшихся в городе после «растасывания колоды», распрощались с великой участью. Инга осталась в вакууме, в дьявольски искусительных дебатах с любимым, который все тщился так разогнать шар, чтоб посыпались последние кегли уверенности Инги в заданном ей пути.

– Вот ты в своем па-де-катр изображаешь кого?

– Не изображаю... – устало поправляла Инга. – Создаю образ. Марии Тальони.

– Кто она?

– Великая балерина прошлого, – обреченно ответствовала Инга, зная, что спорщица из нее никудышная, а Игорь только и ждет сигнала к нападению.

– Откуда тебе известно, что она великая? Кто докажет?! Съёмки в то время не было, остаются только лживые мемуары, так?

– Так.

– А кто поручится за их достоверность? Может, если б мы увидели ее собственными глазами, она бы нам показалась весьма посредственной...

Инга захлебывалась ликбезом. Бубнила про то, что на историю танца, как на любую историю, нельзя смотреть сиюминутными глазами. Про то, что для своего времени Тальони гениальна хотя бы уже потому, что, имея крайне невыгодные данные, умела изобретать выигрышные позы. Но Игорь все равно твердил про нагромождение кромешных условностей, что, собственно, и есть балет. Искусство под слоем пыли... И пошло-поехало – до хрипоты. Из глупого принципа Инга не уступала, хотя понимала, что Игорь растравливает ее, а до их любви к искусству и до балета ему никакого дела, все его воззрения выдуманы только что и в момент будут забыты. Его задача – вскрыть душу и посеять сомнения, но тут Инга некстати оказывалась сильна и что есть сил защищала тяжкую свою долю. Потому как если такое потное и мучительное признать фикцией, то, выходит, жизнь коту под хвост. Нет уж, раз есть жаждущие зрелища, значит, стоит гнуть спину и все остальное в той ячейке, которую определила для тебя судьба.

Однажды она капитулировала, кричала, что больше ей ничего не остается, она ничего не умеет и вся вселенная, помимо маленького островка театра, изъясняется на незнакомом ей языке. Игорь поиграл желваками, обдумывая приговор.

– Но это же рабство получается...

Доведя Ингу до отчаяния, он начинал ее жалеть... и далее по кругу, вот и все плоды Игоревых потуг вылепить из нее утопически полноценную личность, Ницше, свобода и иже с ними. Да какой там Ницше, ей бы для начала ключ в замок нужным ракурсом научиться вставлять! И что ей с этих внушений о том, что личность обречена на одиночество... Она настораживалась в тревожном ступоре: почему это ей нужно одной? Он что, собирается расстаться с ней?! Что же будет в конце концов... Логически можно предположить, что любая история кончается либо свадьбой, либо... не свадьбой. Далее шла метафизика: понять, что наступит день и Игорек исчезнет.

Да и Нелли нет-нет да и ввернет как будто в контексте, кстати: надо уметь смириться, отпускать... Инга пока не знала, что в то время у Игоря появилась другая девушка, из тех, что входят в кадр засучив рукава, дескать, а вот здесь мы поставим телевизор... Нелли, как потом она сама призналась, брезгливо дала добро. Конечно... клин клином вышибают. С балериной – какой дом, какая семья. А эта, хоть и пень на вид, «что глаза, что зад – выражение одно», по Неллиному уверению, зато пять блюд в обед.

Такие повороты сюжета Инге и не снились. Она физически не могла рассчитывать на банальность, ведь у нее все совсем не как у всех. Но как любила заметить Олеська, «дерьмо, матушка, оно у всех одного цвета». Насчет того, что женщина всегда чует и измену на раз раскусит, – неправда. На подозрения и ревность нужна лишняя энергия. Когда валишься на пол в кровавом поту – не до мелодрамы. Стыдно сказать, ей даже на свидания иной раз было лень ехать. Копила силы по крупинкам. Договорились железно не сводить отношения к обыденному спариванию в общаге. Странствовать – чище и занимательнее. Да, да, горячо соглашалась Инга, какая уж симфония чувств, когда мимо по коридору тапочки шарк-шарк. За свое храброе решение Инга временами получала веселье на антресолях и склизкую глыбу про-

странства, какой иногда казался город, сквозь который нужно было продирается на встречу с любимым. Мало того, что ноги бастуют, еще и марафет надо сообразить приличный, чтоб ничего не потекло, не размазалось, не забрызгалось. Сизифов труд! В этом городе все течет... и ничего не изменяется!

А если Инга, не дай бог, прийти не может... Сколько сил угрохано на битву самолюбий! Чем дальше, тем сильнее Игорь желал невозможного, только в сказках бывают хрупкие, сильные и послушные, как золотая рыбка. Постепенно Инга смирялась и забывала о мендельсоновой мечте, она уже ждала чего-нибудь просто маленького и приятного. Почему он ей не приносит – как другим приносят! – никаких глянцевого коробочек, перевязанных замысловатым бантом?! Но об этом Инга даже думала украдкой, это претензия ниже пояса. Игорь честен и беден. Он может дарить только астры.

Он был первым, что приходило ей в голову спросонья, и еще долго-долго после того, как их роман был оборван, словно кусок журнала, растерзанного на растопку, – ни начала, ни конца, одна мякоть середины. Они не ссорились, не произносили последних слов, просто растворились друг для друга, канули в переулки, створки сомкнулись сами собой. И виделись еще не раз, живая ниточка их странных встреч-последствий прошла многие годы. Человек, обращенный в легенду, не должен объявляться вновь! Игорь объявлялся и всегда упрекал за прошлое.

Первый раз – года два спустя. Скулы обострились, но сигареты сменил на импортные. Инга даже не сразу поняла, о чем это он, видно, с годами притупилось восприятие коллизий «мужчина – женщина». Игорь бормотал, что теперь он понимает, у Инги мало времени, они будут встречаться на углу... реже, чем раньше, и пусть это будет у Инги, светиться незачем. Подарил ей брелок-автомобильчик, суетно подчеркнув, что модель называется «бугатти». Он изменился. До того, что приглашал стать любовницей. Утверждал, что это Инга его не удержала. Что если один чувствует, другой – нет, значит, в природе этого нет (о чем это он – и вовсе непонятно). Инга отвечала, что и не знала, что надо, оказывается, удерживать и перетягивать, она думала, есть ведь в мире нечто, что дается от рождения всем без разбора, и какой смысл отбирать гарантированное благо у другого?! Нет таких людей, у которых ни разу не было первой любви...

– Вот ты всегда такая! – разозлился Игорь.

Побухтел еще, попузырился. Вдруг резко оборвал себя, сообщил, что пока его предложение в силе, и исчез на несколько лет. Почему?

Глава 5

Бог все-таки милостив и кнут сочетает с пряником. Пока Инга болезненно вращалась в театральные лабиринты, у нее был Игорь. Потом вроде влилась, притерлась – и Игорь исчез. Видимо, ей по рождению не были даны излишества, положена лишь понюшка радости, достаточная, чтобы не загнуться. Игорь ушел, осталась Нелли, с которой по душам беседовали нечасто, только если вот-вот взиграет внутри карманная Анна Каренина – в том смысле, что хоть под трамвай ложись. Кстати, Инга давно заметила, что в этом городе очень аккуратные и внимательные кондукторши. И неожиданные фильмы в ретроспективных тихих кинотеатрах. Старинные, умные, на худой конец, «переживательные», как говорила соседка в Ингином когда-то доме. В фильмах робкие люди вдруг достают из комода пистолет. Он обязательно завернут в белое полотенце.

Кое-кто задавал Инге вопросы: кто она, откуда, зачем. К этому Инга была готова, ей еще долго предстояло числиться новичком. Застенчивые отвечают старательно и некстати многословно, шквал междометий, запинок, улыбок, главное – не выдать себя. Не выдать заветный секретик, зарытый глубоко в сердце, прикрытый фантиком, потом стеклышком, потом закопанный глубоко. Но до секретика пока никому дела нет, главное: на что ты, девочка, здесь претендуешь. Или – на кого. Первая роль – одна из нерейд в «Спящей красавице» – любимая из эпизодических. Вот уж где раздолье для соглядатайши! Ссоры и перебранки примадоннок, казусы, колкости, тут же детвора, занятая в спектакле в изобилии. Месье Петипа постарался! Театр – смесь курятника и улья, и он пестрит, бормочет, толкается. Кажется, тогда был период серого межсезонья, явных корифеев не было, одних «ушли», иные спаслись на дальних берегах, в кулуарах бродит призрак богини Шелест, и кулисы шелестят о том, что Шелест не превзойти, а в партере нет-нет да и замаячит коренастенькая фигурка в черном платье и в вуалетке – вышедшая в тираж прима, любимица диктатора по прозвищу Дудка. Нелли пояснила:

– Алла Шелест гениальна. За это и не везло. Дудка была женой главного. Для нее – все. Шелест – кукиш с маслом и автокатастрофа в придачу. Поняла, что к чему?!

– Поняла, – бормотала разгневанная Инга. – Так давай подойдем к этой Дудке и скажем: как же вам не совестно теперь в театр шастать!

– Сдурела? – отзывалась Нелли с изумленным хохотком. – Теперь уж не ей нужно в рожу плевать. Дудка – обломок империи.

– Неужели достаточно выйти замуж за...

– Да! – отрезала Нелли. – Выйти замуж ТАК – достаточно. Что ты дурочку лепишь... Достаточно, но не необходимо. Это не наш путь.

А наш путь проходит сквозь узкие ворота, прямо по заветам Иисуса. Просторные ворота не для нас. Может, Иисус ошибался, считая удобство гибелью, а страдания – жизнью? Что было с Ингой в Узких воротах? Протиснулась во дворец и «увидела мышку на ковре». На королеву можно смотреть котам. И ну ее, королеву, к лешему... Нам и не очень-то хотелось. Мы пришли не за ней, а поцарствовать на ее троне. Мало ли в чью шкуру можно влезть на чуть-чуть. Мы пришли похлебать мирских сокровищ чайной ложечкой и, гордыми, отойти в сторону. А потом причаститься Святых Тайн и быть избранными да незванными. Мозолить глаза придворным. Посыпать голову пеплом. Исчезнуть!

...И чтобы потом кулисы снова шелестели. И на один призрак стало бы больше.

Когда Инга рассталась с Игорем, ей стало проще навещать учительницу. Вроде бы каждая табуретка должна напоминать лучшие дни, однако важнее уже не зависеть от зыбких нервных встреч и лихорадочно соображать, нужно ли, не нужно на всякий случай прятать глаза

от Нелли. Нет Игоря – нет у учительницы лишней власти. Ведь это она Монтекки и Капулетти в одном лице, разбавленные доброй госпожой Метелицей. Она и разлучит и утешит. В ее доме было приятно углубляться в фантазии о собственном гнезде. Которое будет? Могло бы быть... Это Большая История не знает сослагательных наклонений, история же человека изобилует бесконечными «бы». Как счастливыми «бы», так, впрочем, и кошмарными, их Инга тоже держала поблизости, чтобы не расслабляться.

Под Нелли жила пара алкашей, мужик-хроник и с ним сожительница, которая скорее просто шла на поводу у безнадёги и «мужского безрыбья». Инга жалела эту тетку с рыхлым носом и мученическими полукружьями нижних век, что делали лицо некстати иконоподобным. Ругались соседи раскатисто, с ленивым надрывом, то она не пускала его в дом, то он – ее. Жильцы давно привыкли, но Инге их брань, походя услышанная, впечатывалась в память; целые абзацы многослойных проклятий отзывались потом эхом в самые мирные моменты, разрушая едва назревшую гармонию мира. Все потому, что Инга не зарекалась и от такой сумы. Злые дороги ведут в один Рим, с горя может и Инга запить, одинокая Инга без родни. Классика жанра для списанных одиноких артисток, наявивал внутренний дьявол. И вот уже Инга от сплина ни рукой, ни ногой пошевелить не может, воображение, слава богу, работает бесперебойно. Спиться и умереть в грязи, когда у тебя никого: ни сына, ни дочери, ни мужа, пусть даже и проклиняющих, но хотя бы провожающих под землю с миром.

Нелли называла такие пустопорожние огорчения «приступами пессимистического чутья». Сама виновата! Инга попала в нечаянный пассаж: сидя в туалете, услышала кухонный разговор о себе. Обычно Нелли с подобными вещами осторожна, но тут ее подвел телефон, пришлось повысигать голос, чтобы услышали, и выдать себя с потрохами. Ингу даже не интересовало, кто это ей звонит, мелькает себе ее имя в болтовне – и пусть себе, но тут внезапно Нелли разошлась патетической тирадой, и последнее, что Инга могла в досадном своем положении уловить, это были роковые слова:

– Мне кажется, у нее никогда не будет...

От панического любопытства Инга чуть было не выскочила в исподнем на кухню, дабы дознаться, чего у нее никогда... Она так и не узнала, о чем это Нелли. Не стала спрашивать. Потом, когда-нибудь, спросила бы – да поздно. Как тут не обостриться пессимистическому чутью – ведь сказанное учительницей становилось истиной...

Но фатализм фатализму рознь. Ушедший Игорь оставил свято место, которое пусто, но светло. Пустота преподавала уроки. О том, что ее нужно выдержать, настоять, как бульон, не кричать и не звонить никому, проглотить, ждать, затаиться. Мгновение сумеет не быть вовсе. Есть темное и светлое, а есть вакуум, дыры, ничто без цвета и запаха. Не тишина – отсутствие, как иной раз в телефоне на блокираторе. Не слышно и собственного крика. Тогда уж надо смотреть силы в комочек и захватить укромно, не транжирить зря. Пустота обязательно кончится. И очень быстро, если ее уважить смирением. Пустота в некотором смысле и есть Бог.

Дисциплинированный быстро привыкает ко всему. Как воин. Балет – родственник армии по женской линии. После Нереиды Инге досталась Фея Сирени, а позже и Аврора нежданно в руки приплыла. Так «Спящая красавица» дала три роли, спасибо ей за это! Счастливый балет, один из немногих, с ним к Инге благоволили высшие театральные силы, без всяких прошений, сами собой. Впечатлительных это обычно пугает грядущей расплатой. Инга настолько боялась сглазить фарт, что приучала себя к бутафорскому недовольству. Если ропщешь, так судьбе и портить нечего, а насчет возможных упреков в привередливости, так Инга про себя прикрывалась своим сиротством. Оно-то никуда не делось, и всегда есть о чем погоревать. Такие вот суеверные хитрости.

О принцессе Авроре даже не мечталось, тем более так быстро. Учила как-то для концертного номера адажио с четырьмя кавалерами, нимало не надеясь на полную партию. Слишком солнечная тема ей в те времена не резонировала, как раз разбегались с Игорем, и кавалеры

эти – скорее ехидная ирония судьбы. Просто Олеська вдохновила ее попытаться сменить тему. Притащила ее в компанию, балансирующую на грани эксцентричной и дурной, чтобы Инга себе там хотя бы одного – не то что четырех – кавалера подыскала. Ингу принялся очаровывать юноша с восточными глазами, небритостью и кустарным розовым распятием на шее. Утверждал, что любит Бодлера, хотя по нему было совсем не похоже. Ингу обволакивало терпкое обаяние, оно же, впрочем, тревожило. Что с ним делать? Он смотрел на Ингу с жесткой нежностью, пока она хмельной рукой поправляла стрелки на часах, размазавшиеся на вспотевшей коже. Это все Олеська: заставила ее выйти в свет при полном параде; косметику выскребли у Олеськиной троюродной сестры, которая раз в год терпела набеги бедной родственницы из «балетных трясогузок». Олеся даже нахально стащила у родни ремень с чудной пряжкой, в которой умещалось крошечное фото группы «Смоуки».

– Почему ты думаешь, что это «Смоуки»? – допытывалась Инга, вглядываясь в размытые андрогинные физиономии, не больше горошины каждая.

– Ты что, не видишь?! – возмущалась Олеська.

Бытовая магия сработала, суета себя оправдала, но не в коня корм – в голове у Инги переваривались Олеськины рассказы о сестрице, которой будет даже недосуг заметить мамаев набег, учиненный в ее жилище «седьмой водой на киселе», ибо у бедолаги детская матка, но подозрение на беременность, что, без сомнений, удача. Навязчивая впечатлительность не давала покоя, теперь Инга была занята вопросом о возрасте своей матки и об этом таинственном органе вообще. Вот Олеся, та утверждала, что некоторые матки даже выпадают, хотя и в старости... но эту новость Инга прознала от подруги лет пять назад и тогда взяла себе за правило, опорожняясь, следить, не исторг ли организм чего лишнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.